

30 НОЯ 1976

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

БЕСНУЮЩИ И С Я, взрывающийся какими-то фантастическими красками луч прожектора вдруг застывает, прорвавшись сквозь густой, прокуранный воздух огромного зала. Застывает неярким, матовым пятном, выхватывая из темноты сцены знакомое по тысячам фотографий лицо и тонкие длинные пальцы, бросающие в тишину замершей в нем восхищенной аудитории первые аккорды баллады, когда-то, десять лет назад, поразившей мир своим грустным лиризмом и тонкой мелодичностью.

На сцене «Эмпайр пул», гигантского дворца спорта в Уэмбли, под Лондоном, — прошлое. Прошлое, подчеркнутое самим названием песни, которую поет сейчас Пол Маккартни. — «Истердэй» («Вчера»). Она прозвучала внезапно в том почти трехчасовом концерте, который давали Пол и созданная им относительно недавно бит-группа «Уингс». Внезапно, потому что в металлических, тугие звуки электрогитар, в стремительный рок-н-ролльный ритм ударных, в срывающиеся на оглушительный крик аккорды электроорганы — в этот вычурный узор современного «бита» вплелась вдруг неяркая ниточка простоты, своей тихой, ненавязчивой открытостью поразившая всех.

— «Истердэй» часто звучит в концертах вашей группы. Это что? Своего рода дань тем дням, когда существовали еще «Битлз»? — спросил я Поля после концерта.

— Да нет, — ответил он. — Это просто красивая песня.

— Вы считаете ее лучшей из тех, что были написаны вами?

— Наверное, да...

Так считает не только он. Сейчас, конечно, можно было бы сослаться на мнение музыковедов, посвятивших немало исследований творчеству «Битлз», которые в начале шестидесятых годов попросту революционизировали культуру поп-музыки. Творчеству «Битлз» как группы. И Поля Маккартни как автора большинства исполнявшихся этой группой мелодий.

Но лучше вернуться в прокуранный зал «Эмпайр пул», понаблюдать за теми, кто пришел на концерт Поля, на один из тех трех концертов, которые он дал в Лондоне и билеты на которые были распроданы за много недель вперед.

Выступление поп-группы, столь знаменитой как «Уингс» — это сумасшествие: и для его устроителей, и для фанатиков-меломанов, готовых на все ради одного единственного билета. Сумасшествие это и для дюжих парней, которым отведена роль телохранителей и которые плотным кольцом стискивают сцену, со страхом ожидая, что в любую минуту могут прорваться хрупкие барьеры

ры самоконтроля у возбужденных музыкой зрителей и людской тайфуном метнется к рампе. Увидеть такое не редкость. Но увидеть такое на концертах Маккартни невозможно. Разжигание массового психоза не его стиль, хотя программы его выступлений столь же насыщены жесткими, пронзительными ритмами рок-н-ролла, как и программы любых других исполнителей современной поп-музыки, для которых иступленный фанатизм почитателей стал уже обыденным.

У Маккартни другая аудитория. «Я хочу, — говорит он, — чтобы моей музыкой наслаждались все, чтобы я мог играть для всех». В тот день он играл не только для тинейджеров, хотя их было большинство. Вместе с ними в длинных зрительских рядах можно было встретить и

дарного ансамбля, слишком истощены отчаянной борьбой за то, чтобы в шумихе искреннего, но уж очень навязчивого восхищения остаться самими собой, слишком глубоко погрязли в болоте финансовых сделок, которыми слишком часто обрастает западное искусство. «Битлз» не стало.

Каждый из знаменитой четверки пошел своим путем. Переквалифицировался в киноактера Ринго Старр, восточным мистицизмом заразился Джордж Харрисон, став мекеном псевдорелигиозной и по сути своей реакционной группки «Международное общество совести Кришны», которому он время от времени подбрасывает деньги и специально записываемые для нее пластинки подобно не так давно выпущенному им альбому «Материальный мир». В

политическим, поскольку Пол Маккартни, автор слов и музыки, выступил, хотя и не со слишком четкой, но искренней позиции, выступил, предав забвению тягу к семейному спокойствию.

И, видимо, не случайно в нынешних концертах «Уингс» звучат песни, созданные Полем с десятком лет назад, песни, которые приводят тинейджеров в восторг своим бурным мелодическим рисунком, а обладателей отутюженных костюмов и вечерних платьев ввергают в грустные раздумья о судьбах общества, в котором они живут. Среди этих песен — «Леди мадонна», печальный гимн-со страдание тем, кто вынужден владеть нищенское существование в «свободном мире равных возможностей».

Конечно, было бы непра-

Поль Маккартни: имя и символ

тех, кого называли тинейджерами десяток-другой лет назад. Рядом с пестрыми, в заплатках, джинсами и кожаными куртками со значками: «Я люблю Маккартни» — идеально отутюженные вечерние костюмы. Гривы косматых волос и аккуратные старушечьи буклики. Мне показалось, что я ошибся, приняв обладателей буклей за проповедников париковой моды. Но Джон Блейк, редактор отдела музыки лондонской газеты «Ивинг Ньюс», писал вскоре после концерта, что среди молодежи, затопившей тогда «Эмпайр пул», встречались не только папы и мамы, были там бабушки и дедушки. Для них Пол играл «Истердэй», играл, сменив мощную электрогитару на гитару акустическую, играл в тишине, не прерываемой свистом, и лишь в конце, на последних аккордах, вспыхнувшей аплодисментами и возгласами «браво», приличествующими разве что надменному, сдерживающему эмоции «Королевскому фестивальному залу».

«Безусловно, — отметил в своей рецензии музыковед из «Дейли мейл» И. Мёрчант, — большинство из тех, кто сумел прорваться в «Эмпайр пул», пришли не за тем, чтобы услышать последние композиции Маккартни, композиции, рожденные его талантом уже в группе «Уингс». Им нужно было иное — песни, созданные еще во времена «Битлз», мотивы, популярность которых, как мы вновь опять убеждаемся, отнюдь не была искусственной».

«Битлз» расстались в семейный разлад. Слишком измотаны были они славой леген-

долгую войну с американскими властями, обвинившими его в злоупотреблении наркотиками, вступил Джон Леннон, не без основания считающий, что за этими обвинениями кроется недовольство властей его политическими взглядами и убеждениями.

Поль, как он сам говорит, обрел наконец спокойствие. «Что может быть лучше, когда просыпаешься утром и видишь вокруг себя нежные лица детей, когда не чувствуешь этой жуткой подавленности от суматохи вчерашнего дня». Маккартни, писал один из биографов, слишком уж семейный человек, слишком далек он от дешевых блесков рекламной шумихи. Но творчество, творчество активное, а не только взаперти дома, продолжал биограф, ему дорого не меньше. А песни, написанные Маккартни уже в этот, «постбитловский», период, показали, что привязанность к спокойствию, отрешенность от мирской суеты порой бывают обманчивыми, что не только лишь извечные темы любви и нежности, особенно активно разрабатываемые исполнителями популярной музыки, ложатся в основу очередного «хита», если «хиты» эти создаются подлинно талантливыми артистами, к числу которых Маккартни, бесспорно, принадлежит.

В 1972 году появилась эта песня, вызвавшая немало разноречивых суждений, споров, конфликтов. Была посвящена она Северной Ирландии, той провинции Соединенного Королевства, которая вот уже семь лет находится во власти насилия и террора. Песня, названная «Верните Ирландию ирландцам», стала не только культурным событием в жизни Британии, но и событием

вильно говорить, что творчество Маккартни разительно отличается от творчества других исполнителей поп-музыки заостренностью на социальные или политические темы. Пол все же не выкарабкался из жесткого кольца канонов шоу-бизнеса, канонов, которыми немногие осмелятся пренебречь, даже если у них за плечами слава и капитал, оцениваемый в миллионы фунтов стерлингов, даже если песни его, как писал о Маккартни один из американских критиков, отличаются от других глубокий ум и осмысленность. «Но такие сейчас времена, — говорил как бы в оправдание Поль, — когда мы беседовали с ним в бетонном бараке, отведенном архитекторами «Эмпайр пул» под артистические уборные. — Времена слишком уж гнетущие и тяжелые. Музыка должна бодрить людей».

Вопрос, который я задал ему в конце разговора, не был случайным — вопрос о гастролях «Уингс» в Советском Союзе. Сообщения о планах Маккартни побывать в СССР прошли по многим английским газетам. «Нам хотелось бы съездить к вам, — отвечает Поль. — Это было бы здорово!»

«Роль музыки в современном мире огромна, — добавляет он. — То, что она связывает народы друг с другом, уже само по себе исключительно важно. Нет, мы с удовольствием побывали бы у вас, за так называемым желтым занавесом, которого на самом деле нет».

А. ШАЛЬНЕВ,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры»,
лондон.